

мусульман. В какой мере эта мысль справедлива — это особый вопрос. Но выраженное через нее отрицательное отношение к „фрягам“ крайне характерно для умастроения греков времени осады и падения Константинополя. Дука и другие хронисты сохранили многочисленные факты такого именно понимания греками политики Запада.¹ Автору „Истории“ нельзя отказать в прекрасном знании и понимании исторического момента, переживаемого Византийской империей. Он ярко выразил определенную тенденцию общественной мысли, возникновение которой объяснимо только среди населения Византии.

IV

Текстологическое изучение „Истории“ о взятии Царьграда турками и рассмотрение ее состава приводят к мысли, что время ее возникновения вряд ли можно вынести за грань XV века. Анализ ее идейного содержания подтверждает этот вывод. Она не выходит из круга вопросов, теснейшим образом связанных с падением Византии. Для нее это событие — еще современность. Описывая упадок Византии в последние годы ее существования, автор „Истории“ говорит об этом как современник этих событий: „Ныне в последняя времена, грех ради наших, овогда нахождением неврных, овогда голодом и поветрей частыми, овогда же межусобными браньми, ими же оскудеша сильнии и обнищаша людие и преуничижися град и смирися до зела“ (6). И второй раз уже в послесловии автор снова прибегает к этой же самой категории времени: „И ныне в сем великом и страшном деле... уловляя время дозрением и испытанием великым писах в каждый день творимая деяния“ (43). И в данном случае „История“ оказывает впечатление произведения цельного, одновременно и одним автором написанного. Автор „Истории“ в том виде, в каком она сохранилась в списке Троице-Сергиевой лавры, — современник упадка Византии и взятия Константинополя турками. Время написания „Истории“ определяется границами его жизни.

Изучение идейного содержания „Истории“ о взятии Царьграда турками, ее состава и жизни ее текста приводят нас к твердому убеждению в ее исконной цельности и единстве, которые обнаруживаются в ее историософии, строе идей, композиции, художественно-образной системе, фразеологии, языке. Следует еще раз отметить ее отношение к древнерусской литературе. В ряде своих частей и отдельных эпизодов она имеет текстуальные совпадения с переводными произведениями, известными в древнерусской литературе: в первой части — с „Хроникой“ Георгия Амартола и Еллинским летописцем, в центральной части — со „Сказанием о построении церкви Софии Цареградской“, в конце — с комментариями Григория Схолария и „Видениями Даниила“. Особенности своего стиля „История“ еще теснее, чем с переводными произведениями, связана с древнерусской оригинальной исторической повествовательной литературой.

Всё это приводит нас к выводу, что „История“ в том составе, в каком мы ее знаем по списку Троице-Сергиевой лавры № 773, XVI века, является произведением одного автора, писавшего по-русски и в таких условиях, которые предоставляли ему возможность обильно черпать материал из древнерусской переводной и оригинальной литературы, хорошо знать ее, сжиться с ее традициями, уметь творчески пользоваться ими.

¹ М. Стасюлевич, ук. соч., стр. 99—101.